

УДК 94(100).05 + 94(510).03
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-18-31

О специфике использования восточноазиатских письменных источников по истории киданей и их государств (X–XIII века)

Г. Г. Пиков

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Автор акцентирует внимание на необходимости рассматривать классические средневековые тексты не только в качестве источников исторической информации, но и как авторские произведения, подчиненные определенной методологии и использующие разнообразные историографические технологии и идеологические схемы. Конкретным предметом исследования являются два основных источника по истории восточных и западных киданей, создавших крупнейшие этатические конструкции в предмонгольский период. В них максимально полно была применена китайская цивилизационная парадигма, прослеживаются важнейшие общемировоззренческие установки классической китайской историографии: китаецентризм, оседлоцентризм, дихотомии хань-фань и культура – натура. В итоге были сконструированы два основных подхода к истории киданей, которые рассматриваются как классические варвары, постоянно нападавшие на Китай и с этой целью создавшие собственное квазигосударство, но под влиянием китайской цивилизации «доросли» до уровня классической династии.

Ключевые слова

кидани, Ляо, западные кидани, Западное Ляо, китайские исторические сочинения, Е Лунли, Ляо ши

Для цитирования

Пиков Г. Г. О специфике использования восточноазиатских письменных источников по истории киданей и их государств (X–XIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История. С. 18–31. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-18-31

On the Specificity of the Use of Eastern Asian Written Sources on the History of the Khitan and Their States (10th – 13th Centuries)

G. G. Pikov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article focuses on the need to consider classical medieval texts not only as sources of historical information, but also as author's works subject to a certain methodology and using a variety of historiographical technologies and ideological schemes. The specific subject of the study is the two main sources on the history of the Eastern and Western Khitans ("Khitan Guo Chi" / "History of the Khitan state" and "Liao Shi" / "History of the [dynasty] Liao"), who created the largest state structures in the pre-Mongol period. "Khian Guo Zhi" is more of a history of the Khitan ethnos, whereas "Liao Shi" is a history of the dynasty, i.e., of the state construction. As a result, we have the maximum possible penetration in those days into the two most important topics—the people as a geopolitical actor and the state as a civilizational-state structure. Their authors carried out impressive synthetic work to prove certain postulates. These

© Г. Г. Пиков, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 1: History

are, strictly speaking, not scientific approaches, but ideological, existing, moreover, often in the form of Philistine fabrications. These sources raise a particularly significant problem of the origin of the Khitan, their dynasty, civilizational affiliation of the Khitan, the Khitan determination of the place in a nomadic world, the specifics of socio-economic and social system of the state of Liao, Khitan influence on the social development of the far East and East Asian regions. In them, the Chinese civilizational paradigm was applied to the fullest extent possible, the essential worldview settings of classical Chinese historiography are traced: Sino-centrism, sedentary centrism, Han-fan dichotomies and culture – nature. As a result, these works had a significant impact on the development of the two most common approaches to studying the history of Khitan, which are considered as classical barbarians who constantly attacked China and for this purpose created their own quasi-state, but under the influence of Chinese civilization “grew” to the level of the traditional dynasty.

Keywords

Khitan, Liao, Western Khitan, Western Liao, Chinese historical works, Yeh Lünli, Liao Shi

For citation

Pikov G. G. On the Specificity of the Use of Eastern Asian Written Sources on the History of the Khitan and Their States (10th – 13th Centuries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 1: History, p. 18–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-18-31

Письменные источники до сих пор являются не только наиболее популярными, но и наиболее важными и репрезентативными в плане получения необходимой информации для изучения той или иной исторической темы. Между тем тексты далеких эпох до сих пор часто не воспринимались в качестве авторских произведений. В них не видят авторской позиции, субъективных целей и желаний, ангажированности, наличия тех или иных мировоззренческих штампов и идеологем. Их авторы воспринимаются как некие объективно мыслящие «историки» или «географы», а их принадлежность к той или иной историографической традиции остается в тени. В результате многие выводы авторов воспринимаются некритично и с необоснованным доверием. Между тем понимание специфики этих источников может помочь пересмотреть или хотя бы уточнить давно устоявшиеся оценки и характеристики.

В данном случае речь пойдет о трактовке истории довольно могущественного народа, который известен тысячу лет. Киданьский этнос с III в. занимал заметное место в истории центрально-азиатского региона и сыграл значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказав огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Киданьские племена не только объединились в рамках самой могущественной державы Восточной Азии того времени, империи Ляо, существовавшей более двухсот лет (907–1125), и «заставили мир дрожать», но и, используя достижения китайцев и покоренных народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира.

Именно китайские исторические тексты имеют особенно большое значение при изучении истории и культуры киданей, рассмотрении различных вопросов образования государства, его общественного строя, экономической и политической обстановки в Восточной Азии [Таскин, 1971. С. 62–82; Пиков, 1985]. Исследователи стали использовать их уже несколько столетий назад, активно цитируя и иллюстрируя фактами из них свои труды.

Систематическое изложение истории киданей, где об их государстве и культуре можно найти относительно подробные сведения, содержится практически только в двух исторических сочинениях – «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История [династии] Ляо»).

Необходимо отметить, что эти два текста типичны для традиционной восточноазиатской исторической мысли и именно здесь применительно к киданям максимально полно была использована китайская цивилизационная парадигма. Естественно, главной задачей здесь является доказывание особой роли китайского идеала, ибо, по мнению китайских историков, государственность может появиться только под влиянием Китая. Не менее важной является и проблема долговременности ее существования: почему киданьское государство так долго существовало, и какой из этого можно извлечь опыт? И наконец, причины его гибели. Главной причиной не может быть просто отказ от идеала – он доказал эффективность своей мно-

говековой историей в рамках китайской империи. Важнее для китайских историков с помощью анализа исторического материала доказать иное – то, что «варвары» не способны следовать ему долго и в состоянии создавать лишь недолговечные образования, а вечна лишь китайская империя.

Необходимо отметить и то, что «Ляо ши» и «Цидань го чжи» как бы дополняют друг друга, что, возможно, и стало одной из существенных причин сохранения в истории этих сочинений. «Цидань го чжи» представляет собой в большей степени историю киданьского этноса, тогда как «Ляо ши» – это история династии, т. е. этатической конструкции. В результате мы имеем максимально возможное в те времена проникновение в две наиболее важные темы – народ как геополитический актор и государство как цивилизационно-этатическая конструкция.

Автором «Цидань го чжи» [Е Лун-ли, 1979] был помощник начальника императорского книгохранилища Е Лунли, который свое сочинение написал и представил южносунскому императору Сяо-цзуну (1163–1189) в 3-й луне 7-го года эры правления Чунь-си (1180 г.). Сделал он это по повелению императора, который хотел иметь изложенную в последовательном порядке историю государства Ляо. Состоял этот труд из 27 глав и пяти дополнений. Незначительное количество источников по раннему периоду истории киданей не могло не повлиять на структуру «Цидань го чжи». Основное внимание уделено периоду существования империи Ляо. История киданей излагается со времени появления основателя государства Елюй Апоки¹ и доводится до 1125 г., т. е. до распада этой империи. Между тем первые сведения о киданях относятся к IV в., т. е. из поля зрения автора «Цидань го чжи» выпало пять веков, предшествовавших образованию киданьского государства.

В этом труде содержится множество сведений о политической истории киданей, особенно о взаимоотношениях Ляо и Сун, приводятся дипломатические документы, дорожные записи китайцев, ездивших в киданьские земли, сообщается о быте, культуре и обычаях киданей и окружавших их народов.

Однако существенной особенностью сочинения «История государства киданей» является то, что история киданей излагается в нем лишь в связи с историей Китая. Причина тому – издавна господствовавший в китайской исторической науке взгляд на историю как на науку, призванную быть лишь служанкой политики.

Одним из последствий применения этого метода явилось и то, что на страницах «Цидань го чжи» нет даже упоминания о так называемых западных киданях, которые после гибели империи создали второе киданьское государство Си Ляо (Западное Ляо, 1128–1218) на территории Центральной Азии. В 19-й главе приводится краткая биография основателя западно-киданьского государства Елюй Даши, заимствованная из «Сунмо цзивэнь», и мимоходом сообщается о смерти Даши и о том, что «потомки их сообщников все еще живут на земле, где они остановились» [Е Лун-ли, 1979. С. 279]. История последних для южносунского саванника показалась слабо связанной с историей его родины, поэтому он и не обратил на нее внимания.

Среди многочисленных китайских исторических сочинений это первая, дошедшая до нашего времени самостоятельная работа, посвященная истории другого государства. До этого все имеющиеся сведения о соседних народах давались китайскими авторами как приложения к отдельным династийным историям.

«Цидань го чжи» – классическое китайское историческое сочинение. Это видно уже из того, что его автор пишет не ради праздного любопытства, а преследует важную и актуальную цель. Государство Ляо лишь недавно перестало существовать, но сыграло заметную, если не сказать, исключительную роль в истории региона. Эту роль в соответствии с традициями китайского историописания необходимо было осмыслить и найти ей место во всеобщей истории. Е Лунли тщательно сравнивает киданьское государство с китайской моделью, намеренно ищет их отличия и в итоге пытается доказать, что именно извращение этой модели

¹ У Е Лунли используется китаизированное имя Абаоци.

приводит к строительству «бандитского» государства кочевников. Дихотомия династий Ляо – Сун рассматривается им как антиномия государство и антигосударство.

В методологии Е Лунли четко прослеживаются важнейшие общемировоззренческие установки классической китайской историографии: китаецентризм, оседлоцентризм, дихотомии хань – фань и культура – натура. Профессиональный этос историка базируется на принципах историографии, сформулированных еще Сыма Цянем, на методе компилятивности как продолжении и развитии трудов предшествующих авторов. Он придавал большое значение политике. Для реализации этих целей использовались традиционные жанры «ши» (династийная история) и «чжи» (исторические записки). Е Лунли опирался на богатый опыт описания китаецами окружающих народов.

В самом Китае был собран обширный материал о киданях и их государстве, Е Лунли работал с еще сохранявшимися в то время киданьскими материалами. Это позволило создать не этнографический очерк, а текст именно о государстве и его элите. До XII в., по сути, существовала одна позиция по отношению к киданям, основывающаяся на концепции сдерживания их роста и натиска. Наиболее ярко она представлена в сочинении сунского историка Оуян Сю «Удай шицзи» (Записки по истории Пяти династий): «Хотя в зависимости от расцвета или упадка варваров их иногда оставляли вне управления, однако нельзя упускать возможностей держать варваров на привязи и случаев проявления милостей и величия. Приобретение варваров не обязательно приносит пользу, но их потеря достаточна, чтобы они стали источником бедствий, поэтому разве можно не быть осмотрительным!» (цит. по: [Е Лунли, 1979. С. 34]). Здесь речь идет о варварах вообще и преимущественно о том периоде их развития, когда еще не сложилась элита.

В общеметодологическом смысле Е Лунли продолжает эту традицию. Варвары в его понимании обладают иной природой, иной доисторией, не просто отсутствием культуры, а бескультурьем как извечным и вечным состоянием, бандитской ментальностью и иной экономикой, на базе которой «история» невозможна в принципе.

Особое беспокойство у него вызывает то обстоятельство, что кидани создали свое собственное квазигосударство, скопировав модель классической китайской династии. Бескультурные и бесписьменные варвары в принципе не способны создать имперское государство. Именно ханьцы смогли этого добиться и создали модель оптимальную, устойчивую и сопоставимую для других.

Сравнивая два государства, китайское и киданьское, Е Лунли пытается доказать, что именно извращение варварами «порядка» приводит к строительству бандитского государства. Отсюда особая методологическая значимость его, ведь впервые в китайской литературе о варварах было написано как о *смертельной опасности*. Это отражало новую цивилизационную ситуацию в Восточной Азии. Кончилась цивилизационная изоляция Китая и рядом вырос монголоязычный центр (Ляо, Цзинь, Юань), который будет существенно влиять на развитие метарегиона полтысячелетия. Китайцы это воспринимали как угрозу самой своей цивилизации, ибо варвары уже не нападали (лишь выравнивали границы), а «искажали» культуру, т. е. брали, как они считали, китайскую модель и рецепты, но использовали это против Китая.

«Извращение» же, по его мнению, обусловлено экзистенциальными факторами. Китайские исторические и географические тексты подчеркивали, что кочевники иные по образу жизни, хозяйственной деятельности, языку, обычаям. Е Лунли обосновывает это географически – разделением Восточной Азии на «Север» и «Юг». По Е Лунли, «живущие в различных местах люди действуют как им удобно».

Для оседлого и кочевого простонародья срабатывал образ киданей-бандитов, а для элиты китайского государства надо было киданьский феномен изучать самым тщательным образом. Е Лунли и пишет свой труд «по повелению императора», т. е. для китайской элиты, а не для толпы. Это и обусловило то, что он находился в своеобразном тогдашнем «спецхране», был мало известен, и с ним работали преимущественно лишь «историки».

Е Лунли подчеркивает, что кидани не имеют отношения к китайской истории и культуре, этим и объясняется их агрессивность и постоянная борьба с Китаем. Соответственно, они и не интересовали китайцев: «начало киданей не записано на бамбуковых табличках китайской истории» [Е Лун-ли, 1979. С. 21]. Причина их отсталости для китайского историка очевидна – они сформировались еще в диком состоянии, так примерно рождаются животные: «далекие предки киданей на заре своей жизни, когда они не вышли еще из дикого состояния, тем более не имели записей» [Там же]. Здесь просматривается классическое общеевразийское отделение людей, в данном случае «хань», от животных («фань»), находящихся за пределами фактического мира людей. Именно отсталость киданей на протяжении всей их истории и фактическое нахождение в животном состоянии обусловили то, что они были и останутся для китайского мира, по сути, чужими или даже иными.

Е Лунли высокопрофессионально пытается доказать, прежде всего, на тщательном отборе фактического материала, причины и предпосылки «усиления» киданей, пытается обнаружить и внутренние факторы, но в итоге все сводит к их воинственной ментальности и особой роли личностей (Апоки), а также слабости Китая, чем и «воспользовались» кидани, а «слабость» китайской династии Тан произошла из-за ее отхода от пути Дао.

Захват киданями оседлых районов на Юге приводит, по его мнению, к перенесению «гне-та» кочевников на китайцев. В принципе на этой же основе возникла в свое время и теория «монголо-татарского гнета». Эта концепция лишь сейчас начинает корректироваться, о чем свидетельствуют представление о «семье» восточноазиатских народов, памятники дружбе китайского и киданьского народов.

В историографии очень долго господствовало представление о том, что кидани первыми начали завоевание Китая. Как писал В. С. Таскин, «впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство» [Там же. С. 15]. Эту практику продолжают впоследствии чжурчжени, монголы и маньчжуры. Об этом же на самом деле говорит уже Е Лунли: «Если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая» [Там же. С. 224].

Известный востоковед XIX в. В. П. Васильев и его подопечный студент М. Н. Суровцов, автор первой крупной работы по истории киданей в нашей стране, вторят Е Лунли и утверждают, что кидани сумели установить свою власть над Китаем, в результате «допущение инородцев не грабить, а уже властвовать над китайскими городами было пятном, которое стремились смыть все китайские государи» [Васильев, 1859. С. 17]. Даже В. С. Таскин очень много говорит о давлении киданей на южных соседей, а ведь он не просто перевел труд Е Лунли, но и решил много конкретных проблем киданьской истории, неплохо ориентировался в истории восточноазиатских кочевников, знал китайскую философию истории.

В. П. Васильев и многие другие исследователи видят неумение киданей управлять завоеванными землями и объясняют их успехи лишь силой и удачей. В. П. Васильев видит и положительное в приходе киданей в Китай, ведь они «научились владеть» оседлыми землями [Там же], причину чего связывает с цивилизационным воздействием («влиянием») Китая. И здесь можно увидеть влияние труда Е Лунли, одной из целей которого было показать цивилизационное воздействие Китая.

Однако кидани быстро учились и в результате создали первое объединение двух цивилизационных секторов как прообраз объединения всей Восточной Азии, тогда как традиционный Китай смог объединить лишь центральный регион. Это означает, что здесь уже не может работать лишь китайская рецептура (дао) в отдельности и необходимо сочетать кочевые и земледельческие традиции. На аналогичном алгоритме в Европе была основана «*renovatio imperii romanorum*» Карла Великого, который тоже делал акцент на особой роли Севера.

Все же Е Лунли смотрит на историю киданей сложнее и видит опасность в том, что кидани не шли путем дао. Даже китайские династии свергаются из-за отхода от этого пути, а здесь налицо принципиальное неприятие его варварами. Для него Ляо – априори незаконное государство.

У Е Лунли налицо конфуцианское представление, аналог которого можно найти в любой цивилизации. Для борьбы с варварами главное «навести порядок» у себя, т. е. создать социо-

культурную модель, которая была бы оптимальной и устойчивой, соблазнительной для других народов. По мнению В. С. Таскина, эта концепция нашла отражение в трактате «Ли цзи» («Записки о благопристойности», «Книга ритуалов»), приписываемом Конфуцию и его ученикам, но дополненному сочинениями эпохи династии Хань, где отмечается ряд условий: «В древности тот, кто хотел распространить свои светлые добродетели на всю Поднебесную, приводил сначала в порядок свое владение; тот, кто хотел привести в порядок свое владение, приводил сначала в порядок свою семью; тот, кто хотел привести в порядок свою семью, совершенствовал сначала себя» [Е Лунли, 1979. С. 13].

Е Лунли без особого удовлетворения пишет, что кидани все же научились воевать с Китаем, и видит их могущество, но все сводит лишь к военным победам. Именно от Е Лунли идет акцент в истории киданей на военно-политических аспектах.

На самом деле кидани создали своеобразную матрицу дальнейшего развития кочевого общества, которая перейдет к чжурчженям и монголам, и те будут исходить из идеи равенства с китайцами и отрицания ярлыка «варваров». Если кидани предложили идею соправления зоной, ибо считали себя вправе управлять всей Восточной Азией, то монголы уже настаивали на единоличном правлении.

Экономика и культура киданей были мало интересны для Е Лунли, и он старательно фиксирует их реальную и потенциальную военную опасность. В его сочинении обильно упоминаются «столкновения», «набеги», «давление». В результате он фактически к этому и сводит всю историю киданей, де факто его труд посвящен истории взаимоотношений с Китаем. Главное у китайцев, подчеркивает Е Лунли (и это отличает их от киданей и других кочевников), «наличие плана».

Длительные войны были не выгодны обеим сторонам, ибо истощали людей и ресурсы, и потому чаще применялась тактика набегов (блицкригов). К тому же образы жизни и хозяйства кочевников и земледельцев были настолько уникальны, что в итоге возможно было лишь сосуществование. Это особо отмечает Е Лунли. За всю свою историю кидани не провели ни одной масштабной войны. Она была нужна только для переселения, но необходимости в этом не было. Даже вторжение в Китае при Дэгуане не преследовало цели захватить его. Все киданские сражения локальны и малочисленны, часто преследовали лишь цель демонстрации силы. Одно сражение было вполне достаточным для решения основной проблемы.

Самим китайцам на Севере, где мало благоприятных условий для земледельческой цивилизации, жить невозможно. Земли северян мало интересны южанам: малоплодородны, засушливы, там были сильные морозы, использовались стадные животные, широко были распространены охота и рыболовство. И в то же время эти земли неизбежно должны были войти в орбиту восточноазиатской цивилизации, и, значит, северян надо было «воспитывать» и подтягивать до своего уровня. Отсюда и соответствующая тактика: доходить лишь до границы и «отгонять» варваров, но не идти дальше. Так же поступали кидани и другие северяне, в том числе и в Европе (римляне, германцы).

Завоевать Север для Китая было не так уж сложно, но управлять этой территорией и держать в повиновении трудно, ведь здесь надо будет держать войска и бороться с сопротивлением местного населения.

Земли на Севере уникальны, поэтому колонизация шла медленно и трудно. Фактически только в последнем столетии это стало возможным, поскольку на эту территорию приходит уже не сельское хозяйство, а торговля и промышленность.

Большое значение Е Лунли придает также описанию внутренних конфликтов в киданском государстве, подчас сводя все к описанию внутренних склок. Действительно, внутренние причины социальной трансформации очень важны. В последние два столетия историческая наука даже считала их определяющими (например, марксистская концепция революции). Однако позиция Е Лунли не есть «марксизм» до марксизма. Восточная Азия в целом и Китай в частности не сталкивались с иными цивилизациями и жили в ситуации своеобразной изоляции. Принципиальное отличие всех средневековых евразийских социальных и политических кон-

фликтов от нововременных связано было с тем, что в то время шли споры *за* власть, а не *против* нее. Различные группировки и даже слои пытались активнее участвовать во власти, а не свергать ее. Внутренние проблемы и пороки решались с помощью традиций или войск.

Е Лунли видит, что серьезной оппозиции элитным родам Елюй и Сяо и имперской конструкции в варварском обществе нет. Нововведения киданей изучаются и используются остальными варварами уже в большей степени, нежели традиции Китая. Кидани не просто строили новую этатическую конструкцию, а основывали это строительство в значительной мере на степных традициях. Она не интересна китайцам, только при монголах киданьский опыт будет обобщен и признан достаточным для основания классической династии, что и найдет отражение в составлении «Ляо ши» («Истории династии Ляо»), одной из двадцати четырех китайских династийных историй.

Значение труда Е Лунли огромное. Можно видеть не только то, что это первое развернутое сочинение о северных варварах, но и методологически четко выверенное и фактологически насыщенное повествование о народе, играющем нестандартную роль в истории мета-региона. Многие роднит с европейскими историками эпохи поздней Античности и раннего Средневековья. В Европе тоже происходило принижение развития северных народов. Тацит в своем сочинении «О местожительстве и быте германцев» (98 г. н. э.) вслед за Цезарем («Записки о галльской войне», 52 г. до н. э.) акцент делал на военной опасности германцев, обусловленной их животным образом жизни. Только звери способны на нападения. И на Западе, и на Востоке об иных народах, особенно о северных варварах, говорят лишь в связи с историей своей цивилизации. В обоих регионах уже существовала и была широко распространена идея своего развития как магистрального пути. Она фактически блокировала саму возможность рассмотрения чужой культуры как равноправной. Даже тогда, когда варвары набирают свою цивилизационную силу, пишут лишь о их военном потенциале.

Именно материал истории киданей, достигших апогея силы и опасности и создавших могущественное государство, позволил Е Лунли проиллюстрировать универсальные принципы отношения к кочевникам в целом. Игнорировать феномен варварской империи он не мог, но тщательно пытается доказать, что это образование не больше, чем квазигосударство. Для этого он набирает огромное количество фактов о военных столкновениях киданей с окружающими народами и явно преувеличивает информацию о внутренних конфликтах в Ляо. По его мнению, кочевники в принципе не могут создать нормальное государство, ибо в основе его должна быть письменная культура, а не варварская ментальность (обычаи и нравы).

В отличие от «Цидань го чжи» «Ляо ши» («История династии Ляо») [Ляо ши, 1936] делает упор не на политическом или военном аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа, его общественном и государственном строе, культуре, религии, обычаях, праве и пр. Это основной источник наших сведений о киданях. Однако эти сведения подаются в очень краткой форме и к тому же содержат множество сокращений и ошибок, что, по мнению некоторых исследователей, делает этот труд, возможно, самым слабым среди всех династийных историй [Franke, 1948. S. 3]. Тем не менее, поскольку «Ляо ши» составлена по большей части киданями или китайцами, состоявшими у них на службе, она, в какой-то мере, выражает точку зрения самих киданей, что предоставляет уникальную возможность постоянно сравнивать сведения об одних и тех же событиях с источниками, отражающими китайскую версию, в частности, с той же «Цидань го чжи».

Приказ о составлении истории династии Ляо отдал цзиньский император Си-цзун. Работу начал Ила Цзыцзин, а после его смерти продолжил и закончил Сяо Юнци. Этот труд из 75 цзюаней (известный как «история Сяо Юнци») был представлен императору в 1148 г., но вскоре был признан неудовлетворительным, так как многие чиновники возражали вообще против написания стандартной истории для «варварской» династии киданей. С 1189 по 1207 г. 13 чиновников трудились над составлением нового варианта; половина из них была киданями. Новый вариант получил название «история Чэнь Дажэня». Окончательно работа была завершена лишь при монгольской династии Юань (1271–1368 гг.). В 1343 г. специальный

комитет из 23 чел. во главе с монголом Токто возобновил работу, «чтобы не лишиться источника сведений» [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. P. 611]. Среди составителей «Ляо ши» развернулся серьезный спор, в процессе которого одна группа чиновников утверждала, что, поскольку кидани узурпировали власть на территории китайской империи, их история должна быть включена в историю Сунской династии, а другая группа настаивала на том, что Ляо было независимым северным государством, которое даже китайских императоров заставило признавать вассальную зависимость, и, следовательно, история Ляо должна быть написана как самостоятельное произведение. Можно предположить, что спор был замаскированной формой обсуждения другой проблемы – где находится центр цивилизации, на севере или на юге, в кочевом секторе или оседлом.

В 1343 г. специальный комитет из 23 чел. во главе с монголом Токто (Тото) признал Ляо, Цзинь и Сун одинаково ортодоксальными династиями, и потому история каждой из них была датирована в соответствии с ее собственным календарем. Так появился современный вариант «Ляо ши», являющейся одной из 24 китайских династийных историй.

В летописи четыре традиционных раздела (бэньцзи, няньбао, шу и лечжуань), 116 цзюаней (глав). Описываются события 916–1125 гг. Первые 30 глав занимает раздел «Бэньцзи» («Основные записи»), где события, имевшие место при отдельных императорах, излагаются в хронологической последовательности. Следующие три главы объединены в раздел «Инвэй чжи». Эти «Записки о защите лагеря» характеризуют кочевой быт киданей. В них содержатся сведения о киданьских ордо, походных лагерях киданьских императоров, различных киданьских племенах, а также о народах, зависимых от киданьского государства. В 34–36-й главах описываются военная организация империи и система комплектования армии. В гл. 37–41 дается географическое описание киданьского государства, в 42–44-й – система летоисчисления, в 49–53-й – описание светских и религиозных церемоний, 54-я глава посвящена музыке, 55–57-я – колесницам, одежде и придворному ритуалу, 59–60-я – системе землевладения. Главы 63–70 представляют собой раздел *бяо* (таблицы), где содержатся сведения о киданях до образования ими государства, даются биографии детей и других близких родственников императоров, перечисляются зависимые племена. Биографиям императриц и наиболее крупных чиновников посвящены главы 71–114. В 115-й приводятся сведения о соседних государствах Гаоли и Си (Западное) Ся. В последней (116-й) главе находится словарь киданьских слов, записанных китайской иероглификой, большая часть которых является или именами собственными, или названиями титулов и должностей киданьских и китайских чиновников. Таким образом, в «Ляо ши» содержится огромный фактический материал, необходимый для исследования общественного и государственного строя киданьской империи Ляо.

«Ляо ши» привлекает нас не только тем, что мы можем извлечь из нее массу сведений о социально-экономическом строе киданьских племен. В конце 30-й главы раздела «Бэньцзи» содержится особый параграф, посвященный истории Си Ляо. Сведения из него, а также сведения из других глав о последних днях существования империи Ляо более полны по сравнению с данными «Цидань го чжи». Уже ко времени создания цзиньского варианта «Ляо ши» (История Чень Да-жэня) государство западных киданей было широко известным в Центральной Азии, к тому же оно было заклятым врагом чжурчжэней. Западнокиданьские эмиссары неоднократно подстрекали киданей – подданных Цзинь на восстания. Сунские императоры радовались этим «инцидентам» и поддерживали с Си Ляо активные отношения. А монгольским воинам пришлось вести непосредственные военные действия против западных киданей. Западнокиданьское государство было существенной преградой на пути Чингисхана к мировому господству. Естественно поэтому, что монгольская историография, которая должна была обосновать «право» монгольских хаганов на мировое господство, не преминула ввести его историю на страницы «Истории династии Ляо». Характерно, что государство западных киданей в «Ляо ши» рассматривается как прямое продолжение киданьской империи во времени и пространстве. Это опущение преемственности особенно ярко видно из названия государства – Си Ляо, т. е. Западное Ляо.

«Ляо ши» дает более или менее подробную хронологию событий в отличие от мусульманских и некоторых китайских источников. Однако не все периоды истории западных киданей освещены ею одинаково. Очень скупо говорит она о Даши до его похода на запад. Это можно объяснить его явно двусмысленной ролью в событиях периода разгрома Ляо. Зато остальные сунские источники не считают нужным скрывать ни его службу в цзиньской армии, ни прочие неблагоприятные поступки. Очень мало сообщает «Ляо ши» о финальном периоде. Это тоже понятно, ибо мусульманские авторы больше интересовались военными походами Чингисхана.

На трактовке характера киданьской культуры и специфики их исторического развития в «Ляо ши» и, разумеется, в «Цидань го чжи» сказалась уже китайская цивилизационная парадигма. Идеи «Поднебесной» (Тянься) и «Срединной» (Чжунго) лежали в основе такого рода иерархии мировых этносов и социумов, которая, с точки зрения китайской мироустроительной доктрины, определяла необходимость и неизбежность их постепенного перехода на «магистральный путь развития». Уже одно то, что кидани попали в число «северных варваров» определяло их как потенциальных врагов цивилизации, которых необходимо «перевоспитывать» или «сдерживать».

Китайская историография периода монгольского господства замечательна еще и тем, что расставила ряд акцентов в киданьской проблематике и даже, можно сказать, проложила дорогу в определенном направлении для последующего изучения киданей. Именно тогда кидани стали рассматриваться как инициаторы последовательного захвата кочевниками Китая, проложившие дорогу чжурчженям, монголам, а впоследствии и маньчжурам. Киданьскому обществу окончательно присваивается статус милитаристского.

Фактически именно в это время в восточноазиатских текстах рождаются традиционные образы киданьского государства и его культуры.

Нужно учитывать и то, что письменные источники по нашей теме тоже далеки от праздного любопытства и создают необходимый для той или иной цели банк информации об этом народе и соответствующий его образ. Оба главных текста – «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История династии Ляо») создавались после исчезновения империи.

Сам жанр данных работ, особенно «Ляо ши», требовал широкого использования всех возможных источников информации. Мы отмечаем традиционно, что их авторы не писали вольные сочинения на заданную тему, а были составителями, иначе говоря, проводили мощную синтетическую работу с целью доказать определенные постулаты. Именно эти постулаты, а также поднятые в хронике темы и составляют «тело» концепции киданьской истории. Однако обоснование берется из предшествующих текстов, причем преимущественно текстов времени существования киданьского государства.

Именно здесь сказалось еще одно важнейшее обстоятельство. Для современных историков это важнейшая методологическая проблема. Тексты данного периода, описывающие киданей и их общество, действительно были написаны после исчезновения этого государства, хотя и на основе в той или иной мере тех записей, которые велись самими киданями. Однако записи киданей до нас не дошли, что и позволяет назвать киданьскую культуру безмолвствующей. И «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не киданей, а о киданях. В этом плане называть их письменными источниками в реальности можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники», однако, нельзя в данном случае и игнорировать, ибо эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или иной идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени.

Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют

взгляд не самих киданей, а их соседей. «Ляо ши» – монгольско-китайский текст, а не киданьский, к тому же написанный спустя сотню лет. Подобные «источники» – специфическая форма изучения.

Следует, наверное, добавить, что воспринимать любые средневековые тексты лишь как источники необходимой нам информации – это значит игнорировать взгляд их авторов на историю. Они такие же исследователи, как и наши современники, только у них, может быть, несколько иные задачи и методы исследования. И в этом можно увидеть влияние и следствие оседлоцентризма, европоцентризма, китаецентризма.

Понятно, что центральной для «Ляо ши» является *проблема происхождения династии*. Эта специфическая проблема повлияла на отношение составителей хроники к догосударственному периоду. Додинастическая история киданей занимает обширный исторический период, более полутысячелетия (примерно с 235 по 907 г.). «Ляо ши» соответственно не могла ее полностью игнорировать и, хотя почти ее не рассматривает, все же намечает периодизацию этой истории, с которой можно согласиться и поныне. *На первой стадии* (с III в. и до конца династии Суй, 618 г.) кидани существовали в виде нестабильной конфедерации восьми племен. *Вторая стадия* представлена племенной конфедерацией Дахэ (начало VII в. – 730 г.), а *третья* — племенной конфедерацией Яонянь (730–907).

Китайские историки считают, что доистория киданей ничтожна, ибо в ней нет государства и культуры. Позиция самих киданей принципиально иная. Представители киданьской элиты, начиная с Елюй Апоки, обращаются не к какой-то модели (у них ее действительно не было), а к первопредкам и предкам вообще за «мудростью», т. е. за «правильным» пониманием истории. Тем самым они реабилитируют доисторию и даже в чем-то противопоставляют ее китайской, а по большому счету восточноазиатской в целом, истории. Для них главное не тексты и артефакты, а идеи и деяния.

Важнейшей проблемой, в качестве составной, доставшейся этим историкам, является *проблема происхождения киданей*, которая имела прямой выход на *проблему цивилизационной принадлежности киданей*.

В этом плане составители «Ляо ши» придавали большое значение этнониму «цидань». Приняв китайский термин «цидань» в качестве самоназвания, кидани тем самым перешли из внешней («немирной») сферы в пределы дальневосточного культурного ареала. История движения киданей внутри этого «мира» показывает, как далеко порой они отходили от своего первоначального намерения, становясь опасными для этого этнокультурного сообщества. Неудивительно, что китайские авторы все более тщательно начали изучать общественный и экономический строй киданей.

«Ляо ши» не видит иных этнических названий для киданей, кроме «цидань», хотя, вполне возможно, они и существовали на заре киданьской истории. Независимо от того, сами ли кидани создали этот этноним, китайский ли он по происхождению, или раннесредневековые китайцы присвоили им его, он стал своего рода программой их дальнейшего развития. В этом тоже видно тенденциозное и прагматичное отношение к киданьскому этносу и его культуре.

Кидани одни из первых стали осознавать себя «народом», т. е. искусственным образованием, которое осуществляло переход от родственно-родовой структуры к территориальной. Они создавали эту структуру не как экстраординарную, скажем, для переселения, а на века, как форму своего развития. Составители «Ляо ши» не захотели это понять и фактически воспринимали возникновение империи как случайность, узурпацию власти.

Не захотели они увидеть и своеобразную киданьскую революцию, нашедшую отражение в выделении своей национальной истории в качестве не составной части китайской или кочевой истории, а как самостоятельной. По императорскому декрету 1044 г. история рассматривалась «от предшествующих поколений до настоящего времени». Это произошло впервые среди кочевников. Составители «Ляо ши» все предприняли для того, чтобы сделать империю Ляо «китайской». Большая информация о быте и культуре киданей, собранная в период династии киданьскими историками, осталась неиспользованной.

Китайская модель «хуа-и» («цивилизованный Китай» и «нецивилизованная» «варварская» периферия) стимулировала появление еще одной *проблемы, связанной с определением места киданей в кочевом мире*. Для «Ляо ши» кидани не простые кочевники. Они выделяются среди степняков своей предприимчивостью, жадной обогащения с помощью силы и в то же время готовы и способны принять многие китайские идеи. Они никогда не станут «цивилизованными», но их вполне можно использовать в качестве своеобразного заслона против остальных кочевников.

Естественно, что это предопределило в средневековом Китае еще одну важнейшую проблему – основательное *изучение социально-экономического и общественного строя государства Ляо*.

Одной из центральных проблем восточноазиатской историографии по этой причине и была *проблема влияния киданей на общественное развитие дальневосточных и восточноазиатских регионов*. Чтобы объяснить этот факт и умалить значение киданей в истории региона, используются самые различные методы. Самым неудачным из них надо признать тот, который отразился в названии сочинения, когда киданьский этнополитический конструкт именовался всего лишь «государством» («го»). Кроме того, история киданей упорно излагалась лишь в связи с историей Китая.

В отличие от «Цидань го чжи» «Ляо ши», как уже говорилось, делает упор не на политических или военных аспектах, а на внутренней жизни киданьского народа. Отказ от прежней традиции интерпретации можно объяснить, вероятно, тем, что монголам понадобилось воспринимать Ляо, одного из своих предшественников, как более масштабное государственное образование и отнюдь не узурпаторское. Так впервые дальневосточная культура признала притязания киданьских правителей на императорский статус. Понадобился и киданьский опыт имперского строительства, а для его обобщения мог быть использован только жанр династийной истории.

Информация о киданях все же была собрана и уцелела во многом благодаря победе китайской точки зрения, которая нашла отражение в «Ляо ши», традиционной китайской династийной истории. Попутно отметим, что ислам и Европа долго не признавали этот подход, и этот текст считался лишь «историческим источником», т. е. источником информации, не более. Однако «Ляо ши» создавалась в период катастроф, время политического «Большого взрыва» (XIII–XVII вв.), и, справедливости ради надо сказать, что эта процедура складывания нового историко-этнического атласа хотя бы сохранила память о киданях.

Китайская историография – уникальный набор текстов, которые рассматривают историю через государство, точнее, даже через династию, т. е. видят решающую роль именно элиты. Деление людей на социальные группы и сословия, их положение в иерархии государственной службы Ляо неплохо отражены в китайских текстах. Это означает, заметим попутно, что они признавали движение Ляо по традиционному для всех народов пути. И потом, при составлении «Ляо ши», учли это особо.

Политическая история киданьского государства, тщательно проанализированная составителями «Ляо ши», есть, в частности, квинтэссенция информации о жизни и деятельности этого уникального народа-элиты.

Очень популярной и даже востребованной в последующие столетия оказалась идея угнетения подвластных народов, активно использованная при разрушении Ляо Агудой, а может быть, и сотворенная им. Она нашла отражение и в скрупулезном обзоре внутренних конфликтов в «Ляо ши». Китайцы на протяжении почти двух сотен лет, отчаянно и мужественно боровшиеся с монголами, великолепно и эффективно использовали ее в своей борьбе.

«Ляо ши» является и наиболее полным источником сведений о киданьском уголовном праве, особенно ее гл. 61 и 62, объединенные общим названием «Син фа чжи» («Трактат о наказаниях»). В этих главах в хронологическом порядке излагаются сведения о киданьском праве, заимствованные из различных разделов «Ляо ши», прежде всего из «Бэнь цзи» («Основные записи») и биографий членов правящего рода различных известных государственных деятелей империи.

«Ляо ши» является основным источником нашей информации и о чиновничьей системе киданей, хотя и там упоминаются не все чиновничьи должности и титулы, которые существовали в киданьском государстве. Кроме этого, многие из них только перечисляются без комментариев, одни и те же должности часто называются по-разному и, наоборот, разным государственным органам даются одинаковые названия, поэтому более или менее полная и точная информация может быть получена лишь о высших органах власти и управления.

История трех великих империй (Ляо, Цзинь, Юань) по-новому поставила и проблему роли личности в истории. Если идеалом классического Китая был конфуциански образованный император, получающий мандат на управление от Неба, то он явно оказался «посрамлен» «невежественными» предводителями «диких» племен. Первым из них стал основатель киданьского государства Апоки, потом чжурчженский Агуда, но их со временем естественно затмит «дикий» и «необузданный» Чингисхан. Неудивительно, что все три династийные хроники уделили этим фигурам особое внимание. По этой причине в хронике дается первый и подробнейший социально-психологический портрет кочевого правителя Елюй Апоки. Детально описываются его детство, физическое развитие, интеллект, ментальность, роль в истории, средства и методы, окружение (в том числе жена императрица Шулюй), действия в особых ситуациях.

Многие страницы «Ляо ши» также посвящены участию киданьских женщин не только в экономической, политической и религиозной, но даже в военной жизни своего народа. Это подтверждают и другие источники.

Китайцы справедливо отделяли себя от «варваров», ибо ханьская культура уникальна и четко выделяется на фоне всей восточноазиатской, хотя есть и общее. Здесь нет пренебрежения. Им подражали, но и «извращали» эту культуру, т. е. фильтровали ее и понимали по-своему. В этом контексте «Ляо ши», «Цзинь ши» («История династии Цзинь») и «Юань ши» («История династии Юань») – энциклопедические своды, создававшиеся с целью понять кочевников (киданей, чжурчженей и монголов) и их «государства» путем сравнения со своими. Эти «государства» были более опасны, чем племена.

Киданьский материал практически всегда в этой династийной истории использовался лишь как иллюстративный, а не изучался сам по себе. «Ляо ши» рисует «северный» вариант *китайской* империи. В определенном смысле она противостоит «Цидань го чжи». Чжурчженни активно уничтожали обильную киданьскую литературу, взамен которой с помощью сочинения Е Лунли наносили своим бывшим хозяевам гигантский информационный удар. Империи Ляо приписывались бандитский характер и примитивная культура. По сути, это была история «варварского народа», а не государства, с акцентом на извлечении лишь полезной информации. Аналогом этому тексту можно назвать «Германию» Тацита, который хотя и посвятил свое сочинение германцам, но создавал их «варварский» образ. «Ляо ши» по сравнению с работой Е Лунли все же более объективна и научна.

Таким образом, база данных по киданям существует, и она представлена, прежде всего, «Цидань го чжи» и «Ляо ши». Однако это не сухая и абстрактная информация. Сам отбор фактов, не говоря уже об их оценке и трактовке, свидетельствует об определенной концепции киданьской истории. До недавнего времени это нас устраивало с фактологической, мировоззренческой и историософской точек зрения, но эти точки зрения покоились на таких методологических постулатах, которые вольно или невольно искажали историю кочевников в целом и киданей в частности. Это оседлоцентризм, европоцентризм, китаецентризм, номадоцентризм, модернизм. Это, строго говоря, не научные подходы, а идеологические, к тому же существующие часто в форме обывательских измышлений.

Список литературы

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Тр. Восточного отделения русского археологического общества. СПб., 1859. Ч. 4. С. 1–235.

- Пиков Г. Г.** Китайские и монгольские письменные источники по истории западных киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985. С. 106–132.
- Таскин В. С.** Китайские источники по истории династии Ляо // Страны Дальнего Востока. История и экономика. М., 1971. С. 62–82.
- Franke O.** Geschichte des Chinesischen Reiches: Eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. Berlin, Verlag Von Walter De Gruyter & Co., 1948, Bd. 4: Der Konfuzianische Staat II. Krisen und Fremdvölker, 595 S.
- Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society – Liao (907–1125). Philadelphia, American Philosophical Society, 1949, 751 p.

Список источников

- Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 608 с.
- Ляо ши** (История Ляо) / Сост. То Кэ То и др. // Сыбу бэйяо (Собрание основных произведений по четырем разделам). Шанхай, 1936. Т. 33. 434 с. (на кит. яз.)

References

- Franke O.** Geschichte des Chinesischen Reiches: Eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. Berlin, Verlag Von Walter De Gruyter & Co., 1948, Bd. 4: Der Konfuzianische Staat II. Krisen und Fremdvölker, 595 S.
- Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng.** History of Chinese Society – Liao (907–1125). Philadelphia, American Philosophical Society, 1949, 751 p.
- Pikov G. G.** Kitaiskie i mongol'skie pis'mennye istochniki po istorii zapadnykh kidanei [Chinese and Mongolian Written Sources on the History of Western Khitans]. In: Dal'nii Vostok i Tsentral'naya Aziya [Far East and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1985, p. 106–132. (in Russ.)
- Taskin V. S.** Kitaiskie istochniki po istorii dinastii Lyao [Chinese Sources on History of the Liao Dynasty]. In: Strany Dal'nego Vostoka. Istoriya i ekonomika [Far East Countries. History and Economy]. Moscow, 1971, p. 62–82. (in Russ.)
- Vasilyev V. P.** Istoriya i drevnosti vostochnoi chasti Srednei Azii ot X do XIII veka [History and Antiquities of the Eastern Part of Middle Asia from 10th to 13th Centuries]. In: Trudy Vostochnogo otdeleniya russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Works of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1859, pt. 4, p. 1–235. (in Russ.)

List of Sources

- E Lun-li.** Istoriya gosudarstva kidanei (Tsidan' go chzhi) [History of the Khitans State (Qidan Guo Zhi)]. Trans., comm. by V. S. Taskin. Moscow, Nauka, 1979, 608 p. (in Russ.)
- Liao shi** [History of Liao]. Sibei beiyao [Collection of Main Texts in Four Sections]. Shanghai, 1936, vol. 33, 434 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
30.10.2019*

Сведения об авторе

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
gennadij-pikov@yandex.ru

Information about Author

Gennady G. Pikov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Cultural Studies, Head of The Department of World History, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
gennadij-pikov@yandex.ru